

6. Крамкова О. В. Принципы лексикографического описания колоризмов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4(2). С. 568–571.

7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

8. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 5. Спб.: Тип. Имп. АН, 1806–1822. 1142 с.

9. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской АН: В 4 т. 1-е изд. Спб.: Тип. Имп. АН, 1847.

УДК 811+34.01

А. Н. Беляев (г. Уфа)

Башкирский государственный аграрный университет

Имя и право в немецком социуме

В статье освещаются исторические вопросы становления права на имя; рассматриваются юридические вопросы выбора личных имен в современном немецком этносоциуме; затрагиваются вопросы о количестве даваемых имен при рождении, а также о смене фамилии при заключении и расторжении брака.

Ключевые слова: междисциплинарность, немецкий язык, имена собственные, личное имя, право

Развитие различных направлений в современной ономастике характеризуется прежде всего одной главной линией, а именно охватом онимикона языка в его целостности с учетом его реального функционирования в обществе. Если ономастика развивалась в колыбели исторического изучения языков, которое долго сосредоточивалось главным образом на инвентаризации отдельных языковых явлений разных уровней в древних текстах, то ее юность ознаменовалась поиском новых путей, а вместе с тем – многими удачами и находками, обеспеченными прежде всего общесистемным подходом к анализу материала. Ономастика – относительно молодая наука. В настоящее время целью многочисленных ономастических исследований является выяснение того, как устроена в той или иной стране принятая там система имен собственных (и ее подсистем), какое положение она занимает в языковой системе и какие в этой области возможны типологические обобщения. Современные проблемы ономастики, которые были поставлены еще в 70-80-х гг. прошлого столетия, по-прежнему требуют дальнейшей углубленной проработки. К ним также можно отнести вопро-

сы, связанные с правовыми аспектами наделения предметов, в самом широком смысле этого слова, именем собственным: будь то юридические вопросы выбора личного имени для новорожденного в этносоциуме, вопросы, касающиеся регистрации товарных знаков или охраны интеллектуальной собственности.

Правовые аспекты имен собственных, обсуждаемые в ономастике, исходят из признания на деле междисциплинарного характера ономастики. О том, что без обращения к смежным гуманитарным наукам не может быть достигнут значительный прогресс во всех разделах ономастики, говорилось уже на раз. Без такого синтеза наук не может быть поставлен и решен вопрос ни в диахроническом плане – например, какая роль должна быть отведена языковым свидетельствам памятников древней и средневековой письменности при создании исторической ономастики отдельных языков; ни в синхроническом плане – при описании современного ономастикона конкретного языка.

Имя всегда представлялось людям загадочной сущностью, первоосновой еще более загадочного явления – языка. Что есть имя? Имеет ли оно нечто общее с природой называемой вещи или представляет лишь слово, звук, символ, простой знак для различения людей? “Name ist Schall und Rauch” («Имя лишь звук и дым») – произнес Гете устами Фауста. Но в другом месте, в «Поэзии и правде», Гете, упоминая о Гердере, который умел порицать без обиняков и, не считаясь с правилами этикета, без уважения отозвался о его имени (иронично связал имя *Goethe* с немецким словом *Kot* ‘грязь, кал, помёт’), замечает: «Собственное имя человека не может быть уподоблено плащу, который свободно висит вокруг тела и за концы которого можно дергать и тянуть; имя можно скорее сравнить с отлично сидящим платьем, или, еще лучше – с кожей, которая срослась с телом и которую поэтому нельзя скоблить и сдирать не уязвляя самого тела». И у Шекспира нет определенно выраженных взглядов на имя. «Что значит имя? – восклицает Джульетта – то, что зовется розой, пахло бы приятно, как бы оно ни называлось». Однако в «Юлии Цезаре» Шекспир считает имя весьма ценным благом, которое может быть вырвано из сердца только смертью (“pluck but his name out of his heart”). Что же несет в себе собственное имя? Гете писал в январе 1770 года Кетхен Шёнкопф: “Wenn ich meinen Namen nenne, nenne ich mich ganz, [...]”, а в романе «Годы странствий Вильгельма Мейстера» он сформулировал: “[...] der Name bleibt doch immer der schönste, lebendigste Stellvertreter der Person” (цит. по [3, с. 31]). Особенно трогательно и сентиментально относился к именам Т. Манн, который в романе «Иосиф и его братья» заставляет Потифара задать вопрос: “Ist nicht der Name die kürzeste Art, sich über eine Person zu verständigen?”, а его Феликс Крулль утверждает: “Der Name ist ja mit der Person, die ihn trägt, unzertrennlich verbunden”.

В истории права имя являлось долгое время безразличным понятием, которому не придавалось никакого общественно-правового значения. Каждый человек волен был называть себя каким угодно именем, менять свое имя по произволу, не нарушая этим ничьих интересов, ни государственных, ни частных. С принятием христианства имя укореняется после появления обряда крещения младенцев, во время которого обязательно произносится тайносовершительная формула: «(Имя), я крещу тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа» (“ego te baptizo in nomine patris et filii et spiritus sancti”). Впредь человек носил имя святого по жизни, если не уходил в монастырь, получая монашеское имя, которое выбирали на ту же букву, с которой начиналось имя мирское. Общепринятая традиция добавлять к личному имени другое имя (родовое, фамильное) также никак не сказалась на правовых аспектах имени: отсутствовали правовые предписания в отношении употребления фамилий. В Германии становление фамилий как необходимой составной части именованного лица произошло в период с начала XII века, начавшись в крупных городах, до конца XIV – начала XV века. При этом следует отметить, что границы между прозвищем и подлинной фамилией были достаточно размыты, особенно в сельской местности. Процесс формирования фамилий окончательно завершился лишь в XVII–XVIII веках. Позднее всего фамилии появились у фризцев. Хотя Наполеон своим указом от 1811 г. требовал введения фамилий для фризцев, правительству Ганновера неоднократно приходилось прибегать к законодательным мерам для осуществления этих требований в течение всей первой половины XIX века.

Проблема ограничения наречения именем появилась, по-видимому, в эпоху Реформации. Борьба с почитанием святых, особенно в кальвинизме, накладывала запреты давать крестные имена, противоречащие этой цели. В 1546 году указом Кальвина под запрет попали имена, которые произносились во время богослужения. Очевидной становится связь между запретом на богохульство и наречением именем. Католическая церковь дает заповедь пасторам нарекать младенцев при крещении именами христианских святых. Но это не является «именительным правом»: это всего лишь акт теологически мотивированных ограничений свободного выбора имени, который можно рассматривать как своеобразную предтечу дальнейших усилий со стороны государства поставить преграду любым злоупотреблениям и произволу родителей при выборе имени для своего ребенка.

Также римское право, рецепции которого способствовали в позднее Средневековье (XIV–XV вв.) установлению определенного правового единства в Германии, не стало стимулом для выработки особых правовых норм для имени.

С точки зрения уголовно-правовых норм злоупотребление именем рассматривалось вплоть до XIX столетия в статье о мошенничестве (*falsum*). Объектом права в рамках этих уголовно-правовых норм является не само имя, а имущество, защищаемое от причинения ему вреда.

В России ограничения в отношении свободы перемены имен начинают вводиться лишь с XVI века. Это вызывалось насущными потребностями государства, связанными с соблюдением правосудия, осуществлением контроля за уплатой налогов и несением воинской повинности, участием граждан с правом голоса в выборных мероприятиях. Но отношение законодательств к «имени», как утверждает Я. А. Канторович, остается исключительно полицейско-административным. Законодательные постановления устанавливают лишь обязанность для каждого носить определенное имя, угрожая наказанием за произвольную перемену своего имени, но совершенно обходят молчанием вопрос о том, соответствует ли обязанности ношения имени право на обладание именем, имеет ли частное лицо, помимо государства, право запрещать всякому другому присваивать его имя, должно ли частное лицо ждать, пока полиция *ex officio*, в общих государственных интересах, примет меры к защите его против узурпаторов его имени, или оно может самостоятельно защищать свое имя от узурпации его – путем частно-правовым, при посредстве в гражданском суде [2, с. 266].

Таким образом, в современности проявились и доминировали следующие основные тенденции к образованию права на имя: 1) необходимость в идентификации граждан; 2) урегулирование семейно-сословных отношений; 3) стремление к выражению с помощью личного имени идентичности и индивидуальности.

Первый указ о введении запрета на произвольную смену имени в Баварии вышел уже 12 мая 1667 г.: “*Es gebührt Niemand im Lande, seinen anebornen Namen ohne Landesfürstlichen Consens eigenmächtig zu verändern*“ [4, с.113]. Подобные указы выходили и в других немецких государствах. От цензуры исходили инструкции подписывать критические статьи, рецензии настоящим именем, так как многие из них были анонимны, выходили под псевдонимом, фальшивым именем или скрывали имя издателя и место печати. Государственная цензура была заинтересована в том, чтобы воспрепятствовать этому. В XIX веке государство осуществляет регистрацию проживающих на его территории граждан. Хотя до этого времени немецкие государства не вели книг для записи актов гражданского состояния, не было именных указателей – полностью полагались на церковные метрические книги – принимались и действовали сами по себе многочисленные полицейско-административные указы. Например, в 1832 году Великое герцогство Гессен выпустило курьезное распоряжение: «Лица с оди-

наковыми именами, проживающие в одном месте, обязаны к своему имени добавлять цифру (“Maier 1” etc.) и не изменять ее до конца жизни». Однако эти указы не вели к признанию за гражданином права на свое имя; они были направлены в первую очередь на тотальную регистрацию населения страны.

В настоящее время юридические вопросы выбора личных имен для новорожденных, регистрация и изменение формулы имени граждан в Германии регулируются Гражданским кодексом, законом актов гражданского состояния и служебной инструкцией для работников загсов и органов надзора за ними [1, с. 155]. Свобода выбора личного имени для ребенка не является абсолютной, поскольку имеет определенные, законодательно предусмотренные ограничения. Существует определенный национальный именник, из которого и предлагается родителям выбрать имя для новорожденного. Несколько имен можно соединить в одно личное имя; также разрешается наречение употребительной краткой формой личного имени. Вместе с тем допускается выбор имен из категории названий цветов или растений, а также использование сочетаний старых имен, если они однозначно указывают на полопринадлежность ребенка. Законодательно не предусматривается ограничение количества даваемых ребенку имен. Однако носить большое количество имен – это ничем не оправданное излишество. Судебные инстанции в ФРГ по-разному рассматривают гражданские иски о количестве даваемых ребенку имен. Так, городской суд Гамбурга считает семь личных имен «невыносимым беспределом» и допускает максимум четыре или, как предел, пять имен. В то же время городской суд Берлина разрешает внести в метрические документы семь и даже более личных имен для одного ребенка [6, с. 48].

Германское законодательство не указывает причин, по которым взрослому человеку нельзя было бы поменять имя и фамилию, однако для этого должны быть веские причины. А. Н. Антышев, ссылаясь на В. Зайбике [5, с. 30], к ним относит: 1) трудности написания или произношения имени (*Matyaszczek* > *Mathias*; *Haeyn* > *Heine*); 2) неприличное звучание фамилии (*Fick* – грубо ‘половой акт’); 3) «семантика» имени, вызывающая неприятные ассоциации (фамилии *Düvel*, *Donnerschlag* ассоциируются с ругательными словами *Deibel* ‘дьявол, черт, нечистая сила’, *Donnerwetter* ‘черт побери’); 4) широкая распространенность фамилии (*Müller*, *Schmidt*, *Schulze*), влекущая за собой при наличии многих однофамильцев в коллективе частую путаницу и неудобства в общении [1, с. 158]. Вне сферы такого юридического действия лежит смена фамилии, вызванная вступлением в брак, когда не требуется особого заявления от носителя добрачного фамильного имени. Д. Шваб приводит многообразие возможностей смены имени в результате заключения или расторжения брака: 1)

Симона, урожденная Зингер, выходит замуж за Михаила Мейстера; 2) Симона, расторгнув брак с Мейстером, выходит замуж за Якоба Егера [4, с. 125-126].

Таблица 1

Варианты выбора фамилии при вступлении в брак

Simone (личное имя)	Ehename (супружеское имя)	Michael (личное имя)
Singer	Meister
.....	Meister
Singer-Meister	Meister
Meister-Singer	Meister
.....	Singer
.....	Singer	Meister-Singer
.....	Singer	Singer-Meister

Таблица 2

Варианты выбора фамилии при вторичном бракосочетании

Simone (личное имя)	Ehename (супружеское имя)	Jakob (личное имя)
Meister	Jäger
Singer	Jäger
Meister-Singer	Jäger
Singer-Meister	Jäger
.....	Jäger
Meister-Jäger	Jäger
Jäger-Meister	Jäger
Singer-Jäger	Jäger
Jäger-Singer	Jäger
.....	Singer
.....	Singer	Singer-Jäger
.....	Singer	Jäger-Singer
.....	Meister
.....	Meister	Meister-Jäger
.....	Meister	Jäger-Meister
.....	Meister-Singer
.....	Singer-Meister

В заключение необходимо еще раз отметить, что вопросы, связанные с законодательно регулируемым именовани­ем человека, не только приобретают большую значимость в правовом поле, но и обогащают своим опытом ономастические исследования.

Литература

1. Антышев А. Н. Имена. Немецкие антропонимы. Уфа: БГАУ, 2001. 239 с.
2. Канторович Я. А. Основные идеи гражданского права. Харьков: Юрид. Изд-во НКЮУССР, 1928. 309 с.
3. Debus F. Was ist ein Name? // Namenkundliche Informationen. 2015. Bd. 105/106. S. 31-46.
4. Schwab D. Personennamen und Recht // Namenkundliche Informationen. 2015. Bd. 105/106. S. 110-134.
5. Seibicke W. Die Personennamen im Deutschen. Berlin; New York: de Gruyter, 1982. 230 S.
6. Weitershaus Fr.-W. Das neue große Vornamenbuch. München: Wilhelm Goldmann Verlag, 1998. 400 S.

УДК 83.3

С. А. Губанов (г. Самара)
Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»

Статус постоянного эпитета в эпитетологии: к теории вопроса

В статье рассматривается вопрос об интерпретации постоянного типа эпитета. Обращается внимание на различные трактовки постоянного эпитета, его отличительные признаки и типы. Делается вывод о сложности данного понятия в эпитетологии, а также определяются перспективы в изучении фольклорных устойчивых определений.

Ключевые слова: постоянный эпитет, формульность, фольклор, эпитетология

В современной эпитетологии сформировалось несколько проблемных участков, которые отражают ее состояние, а именно: дефиниция эпитета, разграничение эпитета и логического определения, типология эпитетов. В рамках классификации эпитетов нет единого мнения относительно критериев типологии, а также состава образных определений внутри выделенных рубрик. Так, традиционно выделяются морфологические типы эпитетов, исходя из частеречной принадлежности слова-определения, структурные их виды (композитный, составной), переносный эпитет и постоянный тип.

В статье пойдет речь о проблеме выделения постоянного эпитета, о его природе и типах в современной эпитетологии. Как может показаться на первый взгляд, существует множество сходных работ, касающихся постоянного эпитета в рамках фольклористики, литературоведения, поэтики и теории литературы